

Семнадцатый в восемнадцатом

Сергей Попадюк

Коллективная работа по подготовке и изданию Свода памятников существенно изменяет привычные представления об истории отечественной архитектуры. В качестве примера рассматривается исчерпывающий состав храмов Ярославской области XVIII — начала XIX века, выстроенных с ориентацией на допетровскую традицию, которые наглядно опровергают бытующий стереотип радикального преобразования русской культуры в период петровских реформ. Прослеживая эволюцию традиционных форм, можно заметить, что интенсивность их применения нарастает параллельно с проникновением в их контекст «инородных» форм, оседающих здесь из «столичной» архитектуры. Становится очевидно, что архитектурный процесс Нового времени имеет «слоистый» характер и только изучение глубинных слоев, составляющих основную массу культурного наследия, возвращает процессу его сложный реальный объем, его внутренние связи и непрерывность.

Ключевые слова: архитектура, допетровская традиция, бесстолпные храмы, «усредненный» храм, декор, аттиковый ярус, кокошники, ложные закомары, наличники, «инородные» формы, процесс, взаимодействие, провинция, глубинный слой.

Архитектура, что за вещь? Только ли та одна, что в книгах на бумаге видим? никак, благоразумные читатели! Очевидно бо есть всем не только в городах, но и в селах, где она есть художественная и простая...

Ф.В. Каржавин. Сокращенный Витрувий, или Совершенный архитектор

Коллективная работа по подготовке и изданию Свода памятников существенно изменяет наши привычные представления об истории отечественной архитектуры*. Хрестоматийный состав «столичных» авторов и произведений дополняется множеством «неведомых шедевров» провинции, тонет в массе разнообразных рядовых памятников, жесткая линейная последовательность стилей сменяется гораздо более сложной картиной их сосуществования, переплетения, многоголосия,

^{*} Приношу благодарность сотрудникам отдела Свода памятников Государственного института искусствознания и А.С. Подъяпольскому, помогавшим автору замечаниями и советами. Особая благодарность В.М. Рудченко за помощь в изготовлении иллюстративного материала.

параллельных линий развития и неожиданных вариантов¹. Особенно показателен в этом отношении XVIII век, на всем протяжении которого (включая и начало XIX) в церковном зодчестве многих регионов сохраняются традиционные архитектурные формы предшествующей эпохи, наглядно опровергая бытующий стереотип радикального преобразования русской культуры в период петровских реформ. Рассмотрим это глубоко знаменательное явление на примере сохранившихся памятников Ярославской области, исчерпывающе обследованной в соответствии с методикой Свода.

I

Ярославское наместничество, объединившее в 1777 году три прежние провинции Ингерманландской (1708), затем Московской (1727) губерний, кроме «титульного» центра – Ярославля, включала старые и новые уездные центры: Углич, Романов, Данилов, Пошехонье, Рыбинск, Мологу, Мышкин и Борисоглебск (в дальнейшем объединенный с Романовым, ныне город Тутаев). Кроме того, в наместничество (с 1796 года – губернию) были включены Ростов с Петровской слободой, приписанный до этого к Переславской, и Любим, приписанный к Костромской провинциям². Со своей стороны, Ростов, древний центр обширной Ростово-Ярославской епархии, после того, как в 1657 году от нее отделились Белоозеро и Чаронда, а в 1682-м – Устюг, Сольвычегодск и Тотьма, объединял земли Ростовского, Ярославского, Угличского (с Мышкиным и Мологой), Пошехонского и Романовского уездов с вкраплениями патриарших вотчин и десятин³, более или менее соответствуя постановлению Собора 1672 года о согласовании епархиальных границ с административными⁴. Новое согласование границ в связи с изменившимся административным делением производилось по правительственному указу 1788 года; в частности, из соседней Переславль-Залесской епархии в Ростово-Ярославскую были переданы села Лучинское и Заозерье, из Костромской – Любим и Данилов с их пятью церквами в городах и 67 – в уездах⁵, из Вологодской – 18 церквей⁶. Спорное дело, в котором, между прочим, участвовал «строитель» – ярославский купец С.И. Аладин, возникло по поводу Преображенской церкви в посаде Большие Соли (Некрасовском): в 1793 году она была причислена к Ростово-Ярославской епархии, но через пять лет возвращена Костромской⁷.
В теперешних границах Ярославской области территория преж-

В теперешних границах Ярославской области территория прежней губернии расширена к югу – включением Переславского района, бывшего уезда Владимирской губернии⁸, и к востоку – включением Некрасовского района, образованного из частей Костромского и Нерехтского уездов Костромской губернии (при незначительных территориальных утратах по северной и западной границам). В результате к храмам, подведомственным Ростово-Ярославской и частично Вологодско-Белозерской епархиям, добавились храмы бывшей Патриаршей

(с 1721 года — Синодальной) области, из которой в 1744—1745 годах выделились Переславль-Залесская и Костромская епархии. Такое смешение, вернее — учитывая зыбкость и подвижность исторического членения территории, — чересполосица различных региональных особенностей в пределах теперешней Ярославской области повышает представительность исследуемого материала.

Верность традиционным формам допетровской архитектуры сказывается здесь прежде всего в архитектурных композициях церквей, подавляющее большинство которых воспроизводит композицию бесстолпных храмов XVII века: пятиглавый (реже — одноглавый) четверик, перекрытый сомкнутым или лотковым сводом, в соединении с пониженной трапезной и примыкающей к ней колокольней. Преемственность от бесстолпных храмов XVII века подкрепляется иногда характерными признаками сходства: четверик получает «широтную» планировку, трапезная растянута в ширину одним или двумя включенными в нее приделами, а восьмигранная на квадратном основании колокольня завершена шатром. Последний признак на территории Ярославской области встречается наиболее часто, даже без учета многочисленных случаев перестройки колоколен⁹, когда можно предположить первоначальную шатровую форму.

Поскольку местная традиция бесстолпных храмов XVII века имеет свои особенности, следует начать именно с них. В отличие от московских бесстолпных храмов, представлявших совершенно новый архитектурный тип приходской церкви, который сложился в 1630-х годах сразу в совокупности ярких специфических признаков¹⁰ и в качестве такового распространился далеко за пределы Москвы, сохраняя ведущее значение в русском зодчестве почти до самого конца столетия, гораздо более скромные бесстолпные храмы Ярославля занимали второстепенное положение, уступая величию больших четырехстолпных «холодных» храмов, ставших главным достижением ярославской архитектурной школы. Играя здесь явно подчиненную роль, бесстолпные храмы выполняли функцию «теплых» церквей, либо примыкавших к «холодным» наподобие приделов, как, например, Покровский придел церкви Ильи Пророка (1647–1650), либо поставленных отдельно, как Владимирская церковь (1669) в Коровниковском ансамбле, Тихвинская (1686) в ансамбле церкви Николы Мокрого и церковь Николы Пенского (1689–1691) в ансамбле Фёдоровской церкви. Все они, имея пониженную трапезную (в которой не нуждались вместительные «холодные» храмы), оставлены без колокольни, которая либо пристраивалась к «холодному» храму, либо ставилась отдельно. Кроме того, в Ярославле была выстроена целая группа самостоятельных бесстолпных храмов, из которых сохранились церкви Петра Митрополита (1657), Афанасия и Кирилла Афанасьевского монастыря (1664), Владимирская (1670–1678), Благовещенская (1688), Параскевы Пятницы на Туговой горе (1691–1692), Николая Чудотворца в Рубленом городе (1695) и двухэтажная Спасо-Пробоинская (1696–1705). Некоторые из них, как церковь Благовещения, сами выступали в функции «холодного» храма, предполагающей постройку второй, «теплой» церкви, назначение которой у московских бесстолпных храмов выполняла трапезная (у Благовещенской церкви трапезная уменьшена до размеров небольшого притвора). Особое место в этом ряду занимает церковь Богоявления (1684–1693), воспроизводящая, после некоторого перерыва, сложную асимметричную композицию ярославских четырехстолпных храмов 1640–70-х годов – с примыкающей к крупному четверику с северной стороны «теплой» церковью, с южным приделом, колокольней у северо-западного угла, двумя галереями, южной и западной, и двумя крыльцами (южное не сохранилось). Остальные бесстолпные храмы Ярославля построены по типовой упрощенной схеме: четверик и трапезная скомпонованы «кораблем», колокольня – если она есть – поставлена на общей продольной оси. Композиционное однообразие восполняется двухшатровым (церковь Петра Митрополита) или трехшатровым (Владимирская церковь) завершением четверика, его «широтной» планировкой (кроме двух указанных случаев, «теплые» одноглавые церкви Тихвинская и Николы Пенского), а также редкими нарушениями продольной симметрии (колокольня, примыкавшая с юга к притвору Благовещенской церкви, южное крыльцо церкви Николы Рубленого). Ограниченность, неразвитость всех этих решений отличает ярославские бесстолпные храмы от московских с их подвижной интегрированностью составляющих объемов (уменьшение четверика вызывает увеличение трапезной, которая, расширяясь, не вытесняет, а как бы вбирает в себя унаследованные от предшествующей эпохи приделы и галереи, и т. д.), с их гибкой, открытой композицией, легко приспосабливающейся к самым разным условиям использования и среды¹¹.

Возникшие, по-видимому, независимо от московских 12, ярославские бесстолпные храмы отличаются от них отсутствием наиболее выразительного структурного признака — пирамиды кокошников вперебежку, выдвинутых из плоскости фасадов четверика на высокий, характерной формы, «московский» антаблемент: поребрик в качестве архитрава, выступающий фриз своеобразных метоп, прорезаемых каплевидными впадинками, и карниз с частыми профилированными зубцами. (Единственное исключение — Богоявленская церковь, но ее кокошники, оставшиеся в плоскости фасадов, отделены роскошным изразцовым антаблементом совсем другого типа, который получил распространение в архитектуре четырехстолпных храмов на позднем этапе развития ярославской школы.)

Фасады самого раннего из сохранившихся бесстолпных храмов Ярославля – Петра Митрополита – завершены крупными, несколько подвышенными ложными закомарами с пофасадным соотношением 3/5,

соответствующим «широтной» планировке четверика, и, очевидно, первоначальным позакомарным покрытием, замененным впоследствии вальмовой кровлей. Такие же закомары, выровненные между собой в соответствии с ярославской традицией, с похожей профилировкой архивольта применялись и в завершении больших «холодных» храмов, но сравнительно скромные размеры бесстолпной церкви позволили провести в основании ее закомар узкий карниз с поребриком, который в то время (середина XVII века) был уже неуместен на обширных и все разраставшихся фасадных плоскостях четырехстолпных храмов ярославской школы¹³. Вероятно, декоративное закомарное завершение 3/3 над первоначальным венчающим карнизом Владимирской церкви в Коровниках появилось позднее, к концу XVII века, при повышении объема храма и сооружении дополнительного промежуточного перекрытия. В следующем же по времени бесстолпном храме – трехшатровой Владимирской церкви – завершение фасадов четверика ограничивается одним венчающим профилем, в котором к поребрику добавлен фриз частых прямоугольных впадинок, – профилем, выведенным под изначальное прямоскатное покрытие. Подобное решение венчающей части четверика, лишенной непременных закомар православного храма, надолго становится обычным для ярославских бесстолпных церквей – Тихвинской, Благовещенской, Николы Пенского, Николы Рубленого (не говоря уж о примыкающих «теплых» церквах). Оно распространяется и за пределы Ярославля: кроме Пятницкой на Туговой горе сюда относятся церкви Троицы в Александровой пустыни Рыбинского района (1678), повторяющая трехшатровую Владимирскую, Троицы в селе Аристове Ярославского района (1681), Спаса в Заболотье Тутаевского района (1690) и Казанская в Прохоровском Ярославского района (рубеж XVII и XVIII веков); к ним можно добавить небольшую «теплую» Казанскую церковь в Пазушине Ярославского района с покрытым на два ската четвериком и такую же бывшую монастырскую церковь Покрова в Тутаеве (обе рубежа XVII–XVIII веков).

Складывается впечатление, что ярославские зодчие, в отличие от московских, как-то совсем не озабочены выделением бесстолпных храмов в особую типологическую группу, не чувствуют принципиальной новизны и стуктурной целостности ее основных признаков, не замечают открывающихся здесь возможностей формообразования. С этим связана и совсем иная, по сравнению с московскими, организация фасадного убранства ярославских бесстолпных храмов. Мы не увидим здесь (за исключением все той же Богоявленской церкви) высокого антаблемента, многообломного междуярусного пояса, сгруппированных полуколонн, массивных оконных наличников с боковинами в виде полуколонок или сложных наборов, по которым раскреповываются верхний и нижний профилированные перехваты, и фронтонами сложной формы — всех тех элементов, которые образуют сплошное,

Ил. 1. Церковь Параскевы Пятницы на Туговой горе. 1691–1692

непрерывно видоизменяемое заполнение архитектурной поверхности московских храмов. Все ограничивается статичным набором из уже упомянутого – довольно скудного – венчающего профиля, повторяемого на апсидах и трапезной, угловых огибающих лопаток, цокольного и – реже – междуярусного поребриков, а также заглубленного в стену киота. Экономия выразительных средств достигает своего предела в решении фасадов церквей Благовещения, Спасской в Заболотье и Николы Рубленого. Местной особенностью являются позаимствованные у больших «холодных» храмов широкие наружные откосы окон, иногда украшаемые валиковыми обрамлениями – прямоугольными или с арочным килевидным завершением (церковь в Аристове), с треугольным фронтоном (подклет аристовской церкви), с одинарным (Владимирская в Коровниках, пазушинская и тутаевская церкви) или сдвоенными (церкви Тихвинская, Николы Пенского и Пятницкая на Туговой горе) килевидными фронтонами. (Ил. 1.) (У «холодных» ярославских храмов двойные фронтоны применялись только к обрамлению из двойных, вписанных одна в другую, валиковых рам с узорным заполнением промежутка.) Формообразующие принципы XVII века, наиболее последовательно выявленные в архитектуре московских бесстолпных храмов, сказываются здесь лишь врезанием фронтонов в карнизы и профилированным заглублением тимпанов. (Ил. 2.)

Своеобразный минимализм фасадного убранства сближает ярославские бесстолпные храмы с теми большими «холодными» храмами,

архитектурная композиция которых осталась (по крайней мере, поначалу) неразвернутой, такими, как церкви Дмитрия Солунского (1671–1673), Воздвижения (1675–1688), Вознесения (1677–1682) и Фёдоровская (1687). То есть отсутствие примыкающих приделов, галерей, крылец, составляющих композиционную периферию церквей, с которой в первую очередь связано формирование богатого декора ярославской школы, распространявшегося затем на фасады центрального объема, вызвало торможение и регресс в развитии этого декора 14. Становится очевидным, что ярославские зодчие действительно не делают различия между двумя

Ил. 2. Церковь в Аристове. 1681

основными типами храмов, не воспринимают композицию бесстолпного храма как открытую и децентрализованную (наподобие московских бесстолпных храмов). Даже в тех случаях, когда к окнам применено декоративное обрамление, оно ограничивается огибающим проем кирпичным валиком (вид A) — формой, которая уже с конца 1650-х годов вытеснялась с композиционной периферии больших «холодных» храмов гораздо более пластичным и видоизменяемым наличником с дифференцированными элементами обрамления (вид B)¹⁵. (Ил. 3.) Уникальный пример отождествления основных архитектурных типов представляет церковь в Заболотье с ее парой мощных пилонов на поперечной оси «широтного» четверика, возведенных под лотковым сводом без какой-либо констуктивной необходимости, с единственной целью — воссоздать интерьер четырехстолпного храма, у которого восточная пара столбов скрыта за иконостасом¹⁶.

В Ростове Великом, где начиная с 1660-х годов разворачивается строительство ансамбля митрополичьего двора, бесстолпные храмы в соответствии со вкусами заказчика, митрополита Ионы, получают фасадное украшение в виде аркатурно-колончатого пояса. Как и в Ярославле, здесь также избавляются от традиционных закомар в завершении фасадов (иногда заменяя их небольшими треугольными щипцами), но компенсируют их отсутствие недвусмысленным признаком шестистолпного соборного храма. Древний междуярусный аркатурно-колончатый пояс, вновь введенный в употребление Аристотелем Фиораванти,

Ил. 3. Оконные наличники ярославской школы: слева – вид А, справа – вид Б (апсида и галерея церкви Спаса на Городу в Ярославле, 1672)

а на фасадах ростовского Успенского собора (XVI век) значительно приподнятый к закомарам, строители Ионы Сысоевича, развивая это решение, поднимают еще выше, на место закомар, определяя таким образом свою типологическую специфику бесстолпных храмов¹⁷. У церквей Спаса на Песках в самом Ростове (1670), Троицы в митрополичьем селе Дивная Гора Угличского района (1674) и надвратной Сретенской церкви Борисоглебского монастыря (1680) этот пояс поднят под самый свес кровли четверика. У церкви Спаса на Торгу (1685–1690) аркатура несколько приспущена, как у «кремлевских» церквей Спаса на Сенях (1675) и Иоанна Богослова (1683), однако оставленный промежуток остался незаполненным. Подобно ярославским, окна ростовских храмов заключены в широкие наружные откосы; у церквей Спаса на Песках и Спаса на Торгу они, кроме того, оформлены наличниками обоих видов.

Типологическая неразвитость ярославского (и ростовского) бесстоліного храма по сравнению с московским приводит к быстрому размыванию границы между ним и четырехстоліным храмом. В результате возникает компромиссное решение: аттиковый ярус полукруглых, наподобие закомар, кокошников с пофасадным соотношением 3/5, выведенных под четырехскатную кровлю бесстоліной Смоленской церкви в угличском Воскресенском монастыре (1674–1677). Это решение повторено в завершении фасадов четырехстоліного монастырского собора (1674–1677), а затем при перестройке ярославской церкви Михаила Архангела (1682) – с естественным в обоих случаях

умножением числа кокошников. В 1680-х годах, очевидно, не без влияния бесстолпных храмов, прямоскатные кровли применяются уже и над ложными закомарами больших «холодных» церквей в конце концов от этих закомар вообще не отказываются (церковь Петра и Павла на Волжском берегу, 1691). В то же время, как уже говорилось, ложные закомары появляются в завершении коровниковской Владимирской церкви, рядом с которой следует упомянуть церковь Преображения в Никольском в Горах Ростовского района (1700) и Преображенский собор в Угличе (1700–1706). Со своей стороны, кокошники в завершении четверика ближе к концу XVII века становятся обычными в архитектуре бесстолпных храмов (в том числе в самом Ярославле: Спасо-Пробоинская церковь с соотношением кокошников 5/5; и в Ростове: церкви Похвалы Богоматери Петровского монастыря и Рождества Богоматери Рождественского монастыря с соотношением 4/4), знаменуя переход к некоему «усредненному» типу храма, который остается единственным носителем традиционных форм в ярославской архитектуре, поскольку строительство четырехстолпных храмов к этому времени уже приостанавливается.

В зоне влияния ярославской школы, там, где удерживалось предпочтение образности больших «холодных» храмов, но вместе с тем утрачивался такт, регулирующий использование декоративных форм применительно к конкретной архитектурной композиции, заимствование этих форм принимало буквальный и беспорядочный характер. Четверик бесстолпного собора Иоанна Предтечи в угличском Алексеевском монастыре (1681) завершен на фасадах небольшими ложными закомарами 3/3, выведенными под свес четырехскатной кровли и не отделенными карнизом от плоскости стен. Их импосты с подкарнизным поребриком, которыми обработаны верхушки лопаток, воспроизводят начальный этап развития этой формы, например, на фасадах церкви Иоанна Златоуста в Коровниках (1649–1654), когда постепенное развертывание профиля вниз по лопатке подготавливало создание массивного синтезированного антаблемента, способного перекрыть разросшиеся фасады большого «холодного» храма, такого, как церковь Николы Мокрого в Ярославле (1665–1672) и Воскресенский собор в Тутаеве (1670–1678)¹⁹. Окна западной галереи украшены наличниками вида Б с двойными килевидными фронтонами, как у галерей церкви Спаса на Городу (1672), но с повторяющимся набором боковин, игнорирующим вариативные возможности этой формы, тогда как к арочным проемам северной галереи, в нарушение единства композиционной периферии, применено обрамление А, также с двойными фронтонами. Валиковая рама с треугольным фронтоном у окна северного придела буквально повторяет наличник подклетного окна церкви Рождества Христова (1635), а одинаковые наличники алтарных окон – с наборами двойных балясин по бокам и сильно вогнутым килевидным фронтоном – повторяют одно из видоизменений оформления галерейных окон церкви Иоанна Златоуста в Коровниках (появившихся при закладке арок в 1660-е годы). Такими же наличниками, судя по следам стески, были обрамлены нижние окна четверика угличской церкви, в то время как верхние – двойными валиковыми рамами с узорным заполнением, чисто ярославской по происхождению формой, впервые примененной к «горнему» окну церкви Михаила Архангела (1658) и в дальнейшем связанной преимущественно с алтарной частью храмов.

Особый случай представляет Казанская церковь в селе Сарафонове Ярославского района (последняя четверть XVII века)²⁰, где обращение с заимствованными формами отмечено большей свободой. Так, в висячих – вследствие отсутствия расчленяющих лопаток – импостах подкарнизный поясок прямоугольных впадин, использованный в декоре ярославских церквей Варвары (1668), Спаса на Городу, Николы Мокрого и Рождественской церкви Спасского монастыря (появление ее импостов можно датировать рубежом 1660-70-х годов), перенесен на плинт, сообщая последнему оригинальный «дырчатый» вид. В наличниках верхних окон южного фасада боковые наборы из круглых балясинок и рельефных разделителей, повторяющие оформление галерейных окон церкви Ильи Пророка, сочетаются с венчающей «коруной». Эта редкая в ярославском зодчестве форма позаимствована из декора тутаевского Воскресенского собора (на источник заимствования указывает поребрик, связывающий наличники между собой), но высвобожденная от сопровождающих ее боковых килевидных фронтонов сарафоновская «коруна» получает порезку частыми круглыми впадинами и, так же как импосты, не имеет аналогов в рассматриваемом регионе.

Помимо деятельности двух местных художественных центров, ярославского и ростовского, на территории области наблюдается проникновение сторонних влияний. Наиболее заметным из них является влияние Москвы, представленное, разумеется, формами московских бесстолпных храмов. Вполне откровенно оно проявилось в пристроенном к тутаевскому Крестовоздвиженскому собору южном приделе (1658) с его характерным «московским» антаблементом, сдвоенными на углах полуколоннами и ни разу больше не повторявшимся оконным наличником, боковины которого набраны из крупных кубышек. «Московский» антаблемент возникает затем в завершении нижнего яруса колокольни тутаевской церкви Покрова, а также в декоре Покровской церкви села Погорелово Ростовского района (1682) – в сочетании со сгруппированными угловыми полуколоннами – и Троицкой церкви Любима (рубеж XVII—XVIII веков), отделяя аттиковый ярус полукруглых кокошников (соответственно 4/4 и 5/5). (Ил. 4.) Симбиоз ярославского и московского стилей можно видеть в фасадном убранстве двух угличских храмов – уже упоминавшейся Смоленской церкви Воскресенского монастыря и Смоленской церкви Богоявленского монасты

ря (1700). Венчающий карниз обоих четвериков, отделяющий полукруглые кокошники (соответственно 3/5 и 3/3), включает частые заглубленные консольки, представляя собой, в сущности, сокращенный вариант антаблемента тутаевского Воскресенского собора. Навыки ярославской школы сказываются и в удваивании фронтонов оконных наличников, тогда как сама форма обрамлений - массивных, тяготеющих к квадрату, с гладкими или расчлененными дынькой фланкирующими полуколонками, - а также их распределение в усложненной архитектурной композиции с «широтным» четвериком указывают на московские вкусы

Ил. 4. Церковь Троицы в Любиме. Рубеж XVII–XVIII вв.

строителей. Наконец, в Угличе была возведена церковь Рождества Иоанна Предтечи на Волге (1690), полностью, по всем признакам (за исключением гладкого изразцового фриза в антаблементе) соответствующая типу московских бесстолпных храмов.

Кроме того, на окраинах области прослеживается присутствие соседних художественных центров, точнее, скрещение сторонних мотивов с местными, опосредованное проникающим здесь и там московским влиянием. Так, в антаблементе упомянутой любимской церкви прорезка «метоп» выполнена в форме «мстерского бантика», а боковины наличников, контрастируя с рельефным профилем перехватов и трехлопастных килевидных фронтонов, решены двойными цепочками мелких балясинок в духе плоскостно-графического северного узорочья, напоминая, в частности, оконные обрамления каргопольской Благовещенской церкви (1692) и Преображенской церкви вятского Новодевичьего монастыря (1696). Подковообразные кокошники с поребриком в архивольте церкви Рождества Богородицы (1700) и Воскресенского собора (1700–1711) в Некрасовском повторяют очертания кокошников как ярославской церкви Михаила Архангела, так и костромских церквей Рождества Христова на Городище (1663) и Преображения (1685); угловые же пучки полуколонн в сочетании с трехлопастными килевидными фронтонами наличников характерны для костромских бесстолпных храмов²¹. Килевидная форма кокошников в завершении соборного придела (1660) и Всехсвятской церкви (1687) переславского Троице-Данилова монастыря, Никольской надвратной церкви Горицкого монастыря (конец XVII века) и, в особенности, наличник с тройным килем фронтона на северном фасаде Даниловского придела, повторяющий наличники собора Сновицкого монастыря под Суздалем (1650–70-е годы)²², свидетельствуют о принадлежности к кругу владимирской архитектуры, сильнее других подверженной московскому влиянию. В этих стилистических взаимодействиях постепенно стираются местные особенности и вырабатывается тот «усредненный» образ бесстолпного храма, который становится достоянием следующей эпохи.

II

Основными устойчивыми элементами этого образа в плане декора являются аттиковый ярус кокошников (или ложных закомар) под прямоскатной кровлей и оконные наличники легко узнаваемой формы XVII века. Поскольку декоративное решение фасадов XVIII века принципиально не различается у храмов разных архитектурных типов, в общую массу «усредненных» бесстолпных храмов попадают два двустолпных храма (Пошехонье, 1717; Левашово, 1779), один одностолпный (Климатино, 1800) и один четырехстолпный (Пружинино, 1804).

Умножение кокошников в аттиковом ярусе четвериков, наблюдаемое на протяжении всего рассматриваемого периода, демонстрирует усиление той тенденции, которая, как мы видели, уже действовала в местной архитектуре XVII века под явным влиянием московских бесстолпных храмов²³. (След этого влияния находим в самом начале XVIII века – в позаимствованной у «московских» антаблементов форме карниза под аттиковым ярусом Никольской церкви в Угодичах.) Наиболее употребительным для квадратных в плане четвериков в девяти случаях из двадцати одного – остается, как и в местной допетровской архитектуре, пофасадное соотношение кокошников 4/4 (Угодичи, 1709; Бор, 1725; Толбухино, 1732; Вятское, 1750; Старое Давыдовское, 1780; Николо-Пенье, 1782; Дмитриевское, 1783; Некрасовское, 1786; Новое, 1804). В шести случаях применено соотношение 5/5 (Пошехонье, 1717; Любим, 1739; Белое, 1771; Гавшинка, 1773; Введенское, 1778; Князёво, 1792), в пяти – 6/6 (Ставотино, 1728; Ивановское, 1735; Сырнево, 1767; Диево Городище, 1787; Унимерь, 1789) и в одном – 8/8 (Годеново, 1794). Для «широтных» четвериков пофасадное соотношение кокошников 4/5 встречается в четырех случаях из восьми (Лучинское, 1736; Норское, 1748; Норское, 1765; Левашово, 1779), соотношение 5/6 – в двух случаях (Устье, 1771; Кулачево, 1787), а соотношения 4/6 (Высоко, 1772), 6/7 (Рыбницы, 1792) и 3/5 (Спас-Ухра, 1763), обычные в местной допетровской архитектуре, - только по одному разу.

Каноническое соотношение 3/3 применяется в первую очередь при использовании ложных закомар, которые отличаются от кокошников только величиной и подчеркнутой «правильностью» полуциркульного архивольта, уподобляя любой храм четырехстолпному (Заозерье, 1730; Норское, 1745; Иваньково, 1749; Норское, 1753; Климатино, 1800; Ордино, 1812)²⁴. Впрочем, и здесь допускались отступления от канона в зависимости от планировки четверика, например в случае, когда трем закомарам укороченных боковых фасадов соответствуют пустые восточный и западный фасады (Ярославль, 1722), или в пофасадном соотношении 2/3 (Тутаев, 1758), выполненном явно в подражание двустолпным храмам, таким как ярославская церковь Дмитрия Солунского. (В последнем случае подражание подчеркнуто отсутствием карниза, отделяющего закомары, – его роль выполняют профилированные перехваты оконных наличников верхнего света.) Соотношение 3/3 выполняется также кокошниками, либо сгруппированными над средней частью фасадов (Карагочевский Погост, 1747; Туношна, 1781), либо широко расставленными по фасаду и совпадающими при этом с оконными осями (Никитское, 1789; Бухалово, 1796; Лахость, 1796; Тимохино, 1797; Середа, 1797).

Можно заметить, что случаи умножения кокошников в завершении ярославских храмов XVIII века следуют двумя нарастающими волнами: с 1710-х годов (Пошехонье, 1717) до середины столетия (Норское, 1748) и с конца 1760-х (Сырнево, 1767) до конца XVIII века (Годеново, 1794). Применение закомар, напротив, завершается в середине столетия (Тутаев, 1748) и после долгого перерыва возобновляется только в самом конце рассматриваемого периода (Климатино, 1800; Ордино, 1812). Так же как и у московских бесстолпных храмов, нарастание числа кокошников не связано с укрупнением четвериков; оно находится в обратной зависимости от размера самих кокошников, которые уменьшаются с увеличением их численности, а также с увеличением оставляемых промежутков. Сплошной ряд множества мелких кокошников сохраняет, подобно закомарам, доминирующее значение в композиции фасадов, тогда как уменьшенные вследствие широкой расстановки кокошники почти полностью утрачивают это значение.

В отличие от московских, подавляющее большинство ярославских кокошников имеет полукруглую форму со сравнительно слабо выявленным рельефом, иногда — с включением концентрического поребрика по заглубленному тимпану (Угодичи, 1709; Туношна, 1781); лишь в отдельных случаях профилированный архивольт получает четко выраженные килевидные очертания (Лучинское, 1736; Высоко, 1772; Некрасовское, 1786) (Ил. 5.) или слегка усложняется маленьким килем, повторяя форму кокошников несохранившейся ярославской церкви Рождества Богоматери 1720 года (Бор, 1725; Норское, 1748).

Аттиковый ярус отделяется, как правило, узким неразвитым карнизом, который иногда дополняется поребриком (Заозерье, 1730; Иваньково, 1749; Некрасовское, 1786), мелкими городками (Норское, 1745), консольками (Пошехонье, 1717) или невысокой пилой (Туношна, 1781), довольно часто заменяется консольками (Сырнево, 1767), поребриком (Рыбницы, 1792) или простым кирпичным валиком (Устье, 1771; Белое, 1771; Старое Давыдовское, 1780; Дмитриевское, 1783). При полном же отсутствии отделяющего профиля аттиковый ярус обозначен отливом заглубленных тимпанов кокошников (Гавшинка, 1773; Кулачево, 1787; Тимохино, 1797). (Ил. 6.) Неразвитость или отсутствие отделяющего аттик карниза обычно восполняется развитым карнизом самого аттика, иногда дополняемого поребриком (Тутаев, 1758; Устье, 1771), городками и поребриком (Белое, 1771), ступенчатыми консольками (Гавшинка, 1773) или зубцами (Высоко, 1772; Тимохино, 1797; Середа, 1797), даже неполным антаблементом с консольками по фризу (Климатино, 1800). В отдельных случаях профиль, отделяющий аттиковый ярус, разворачивается в пышный элемент декора: два сплошных ряда крупных консолек, как у несохранившейся ярославской церкви Параскевы Пятницы на Всполье 1712 года (Бор, 1725), частые мелкие консольки с поребриком (Любим, 1739), развитый карниз с трехрядной пилой и высоким поребриком (Левашово, 1779) или с бегунцом (Годеново, 1794). Лишь на позднем этапе в основании аттикового яруса появляется неполный антаблемент, близкий к классическому, - с тяжелым карнизом и профилированной тягой, отделяющей гладкий фриз

Ил. 5. Церковь Иоакима и Анны в Лучинском. 1736

(Николо-Пенье, 1782; Никитское, 1789; Лахость, 1796). (Ил. 7.)

Долгое время фасады четвериков - и при двухосевом, и при трехосевом построении²⁵ – оставались нерасчлененными, если не считать оборванных средних лопаток при закомарном завершении (Заозерье, 1730; Тутаев, 1758); именно это позволяло кокошникам сохранять свое значение главенствующего, объединяющего фасад мотива. Угловые лопатки (в редких случаях – сдвоенные полуколонны: Заозерье, 1730; Годеново, 1794) доходили только до отделяющего аттиковый ярус карниза, раскреповывая его (Угодичи, 1709; Любим, 1739; Норское, 1745; Норское, 1765), в остальных

Ил. 7. Церковь Воскресения в Лахости.

случаях получали продолжение над раскреповкой, по углам аттикового яруса, иногда при этом суживаясь, чтобы не стеснять ритмический мотив полукружий. Развитию этого мотива не мешало, а, напротив, содействовало применение в аттиковом ярусе коротких лопаток, разделяющих кокошники (Бор, 1725; Вятское, 1750; Спас-Ухра, 1763; Годеново, 1794). (Ил. 8, 9.)

Положение изменилось, когда в последней четверти столетия стало применяться вертикальное расчленение фасадов. Поначалу двухчастное деление четырехосевых фасадов, выполненное, вместо лопаток, пучками тонких полуколонн, продолженных в аттиковом ярусе короткими лопатками (Левашово, 1779), еще позволяло сохранить доминирующее значение разбитых на две пары кокошников. (Ил. 10.) Но уже следующее применение такого деления – с пилястрами, сдвоенными на углах (Николо-Пенье, 1782), - а тем более, трехчастное равномерное деление (Диево Городище, 1787; Унимерь, 1789) приводит к резкому уменьшению размера парных кокошников. Раздвигание же трех уменьшенных кокошников по одному на прясло (Никитское, 1789; Лахость, 1796; Середа, 1797) превращает их, как уже говорилось, в нейтральное сопровождение фасадного декора. (Ил. 7.) И лишь возобновление крупных ложных закомар, согласованных с трехчастным расчленением фасадов лопатками, возвращает храму более или менее канонический облик (Климатино, 1800; Ордино, 1812).

Горизонтальное расчленение фасадов начинает применяться раньше вертикального (Ставотино, 1728; Белое, 1771), но и при отсутствии

Ил. 8. Церковь Воскресения в Вятском. 1750

междуярусного пояса он как бы подразумевается: осмысление двусветного четверика как двухъярусного реализуется соответствующим расчленением угловых лопаток (Заозерье, 1730; Карагочевский погост, 1747; Норское, 1748; Норское, 1753; Норское, 1765; Гавшинка, 1773; Введенское, 1778; Князёво, 1792; Годеново, 1794). При использовании же вертикального расчленения горизонтальное почти неизменно с ним совмещается. Междуярусный пояс, то ослабленный по сравнению с профилем, отделяющим аттиковый ярус (Левашово, 1779), то полностью его повторяющий (Николо-Пенье, 1782; Никит-

ское, 1789; Лахость, 1796; Бухалово, 1796; Середа, 1797), а иногда превосходящий его по массе (Унимерь, 1789; Климатино, 1800), участвует в упорядочивании фасадной композиции, которое выделяет каждому проему отдельное поле стены, одновременно создавая условия для сплошного заполнения поверхности декором. В роли такого заполнения выступают оконные наличники.

Стилистически единым сопровождением традиционных кокошников, завершающих четверик, были наличники в характерных формах XVII века. Наличники вида Б, с дифференцированными элементами обрамления, возникшие в зрелый период ярославской школы (1650-70-е годы), применялись, как и кокошники, на протяжении всего XVIII века. Они обрамляют окна в обоих ярусах двусветных четвериков (Угодичи, 1709; Ставотино, 1728; Норское, 1748; Тутаев, 1758; Норское, 1765; Устье, 1771; Белое, 1771; Левашово, 1779; Туношна, 1781; Николо-Пенье, 1782; Унимерь, 1789; Никитское, 1789; Годеново, 1794; Лахость, 1796) (ил. 7, 9, 10) и в единственном ярусе «теплого» храма (Любим, 1739). В подавляющем большинстве фланкирующие элементы обрамления выполнены полуколонками, опоясанными или расчлененными дынькой; только один раз, в самом начале рассматриваемого периода, окна второго яруса двусветного четверика выделены использованием набора двойных балясинок (Угодичи, 1709)²⁶. В других случаях различение ярусов нюансируется

Ил. 9. Церковь Иоанна Златоуста в Годенове. 1794

формами фронтонов наличников, килевидных в первом ярусе и треугольных во втором (Ставотино, 1728) (ил. 11), двухлепестковых в первом и трехлепестковых во втором (Устье, 1771), отсутствием фронтонов (Тутаев, 1758) или удваиванием нижнего из профилированных перехватов у наличников второго яруса (Норское, 1748). Более ранние по происхождению наличники вида А, с кирпичным валиком в качестве обрамления, применяются значительно реже, либо к проемам обоих ярусов (Лучинское, 1736; Вятское, 1750; Спас-Ухра, 1763; Новое, 1804) (ил. 5, 12), либо – при совместном использовании с наличниками вида Б – к проемам первого яруса, включая апсиду и трапезную (Толбухино, 1732; Норское, 1753; Гавшинка, 1773) (ил. 6), а иногда – только к проемам трапезной и подклета (Тутаев, 1758). Обычной формой фронтона в обоих видах наличников остается килевидная с профилированным заглублением тимпана и варьированием очертаний – от почти полукруглых до круто опускающих киль к самому обрамлению проема; иногда фронтон уменьшается сравнительно с обрамлением, оставляя место для наверший над боковинами своеобразный отголосок нарышкинского стиля (Норское, 1748; Белое, 1771; Гавшинка, 1773). В последней четверти XVIII века форма фронтонов усложняется, приобретая многолопастные очертания (Левашово, 1779; Туношна, 1781; Николо-Пенье, 1782; Никитское, 1789; Унимерь, 1789; Лахость, 1796). (Ил. 7, 10.)

Ил. 10. Церковь Воскресения в Левашове. 1779

Наличники формах XVII века использовались и при отсутствии традиционных кокошников в завершении фасадов четверика. Как и в рассмотренной выше группе храмов, наличники вида Б с килевидным фронтоном применяются в обоих ярусах (Троицкое, 1764) или только во втором (Леонтьевское, 1730; Павлово, 1774), причем фронтон принимает многолопастные (Сеславино. 1780; Осенево, 1783) или полукруглые (Деревни, 1798; Пружинино, 1804) очертания; с треугольным фронтоном – только во втором (Вашка, 1786; Караш, 1786). Наличники вида А с килевидным фронтоном применены только один раз – при со-

вместном использовании с видом Б – в первом ярусе, включая апсиду и трапезную (Павлово, 1774). К этим примерам можно прибавить редкую форму оконного обрамления, выполненную широким кирпичным валом, огибающим арочный проем с опорой на подоконный валик (Михайловское, 1757). В перечисленных случаях традиционное завершение фасадов храма заменено гладким фризом, сопровождающим развитый карниз (Троицкое, 1764) и карниз с консольками (Вашка, 1786), а также фризом с лежачими фигурными филенками (Сеславино, 1780). (Ил. 13.) Более сложное решение представляет аттиковый ярус над неполным антаблементом – гладкий (Караш, 1786) или обработанный тремя крупными барочными квадрифолиями (Осенево, 1783). (Ил. 14.) В последнем случае антаблемент в основании аттикового яруса сочетается с трехчастным расчленением фасадов ярусными пилястрами, сдвоенными на углах. Даже венчающая ростовская аркатура, примененная в самом конце рассматриваемого периода, как бы в воспоминание об Ионе Сысоевиче (Деревни, 1798; Зверинец, 1805; Талицы, 1806), совмещена с высоким междуярусным поясом круглых окон в профилированных обводах²⁷. Наконец, два антаблемента, венчающий и междуярусный, сочетаются с трехчастным расчленением фасадов сдвоенными пилястрами и с треугольными фронтонами над боковыми пряслами (Пружинино, 1804).

Ил. 11. Церковь Рождества Христова в Ставотине. 1728

Ил. 12. Церковь Преображения в селе Новое. 1804

Как видим, ни кокошники в завершении фасадов, ни оконные наличники в формах XVII века не исключают применения форм, принадлежащих поздним стилистическим этапам. Помимо упомянутых антаблементов, пилястр²⁸, фигурной обработки аттикового яруса и пр., это касается, прежде всего, «инородных» наличников, проникновение которых в контекст традиционных форм допетровского зодчества начинается еще в конце XVII века. Так, например, у Казанской церкви в Скнятинове Ростовского района (1693), четверик которой оставлен без кокошников, проемы первого яруса оформлены наличниками

Ил. 13. Церковь Казанская в Сеславине. 1780

XVII века (вида Б с двумя дыньками фланкирующих полуколонок и килевидным фронтоном – у окон четверика и вида А с двойным килевидным фронтоном в центре и подковообразными килевидными фронтонами по сторонам – у алтарных окон), тогда как проемы второго – наличниками нарышкинского стиля с разорванным фронтоном (впрочем, у одного из этих наличников боковины выполнены набором в традициях допетровского зодчества), а в третьем ярусе на фасадах прорезано по одному восьмиугольному «нарышкинскому» окну. В дальнейшем «нарышкинские» наличники – с фронтоном, разорванным консолькой, и профилированными навершиями над боковыми по-

луколонками (Бор, 1725) или с фронтоном, выполненным «бухвостовскими» белокаменными завитками (Заозерье, 1730), – применяются ко всем окнам храма с традиционным завершением четверика, полностью вытесняя наличники в формах XVII века. Впрочем, этими примерами исчерпывается сочетание «нарышкинских» форм с допетровскими; нарышкинский стиль, включая свойственную ему ярусно-осевую композицию церквей, образует особую линию развития в ярославском зодчестве XVIII века, наряду с линией «усредненных» храмов.

В 1760-е годы в контекст традиционных форм начинают проникать наличники в формах барокко — сначала переходного вида, с расширенным плоским обрамлением и маленьким треугольным фронтоном, подвышенным на вогнутых скатах между фланкирующими навершиями (Сырнево, 1767), а с 1780 года собственно барочные — плоские с ушами, с изогнутым сандриком, подвышенным на боковинах, или с сегментным фронтоном. Применяемые совместно с наличниками XVII века, а именно с наличниками вида Б, они, в развитие различения ярусов, обрамляют окна первого яруса, включая апсиду и трапезную (Сеславино, 1780; Вашка, 1786; Пружинино, 1804), или только окна апсиды и трапезной, выделяя таким образом композиционную периферию церквей (Николо-Пенье, 1782; Осенево, 1783; Никитское, 1789; Унимерь, 1789; Лахость, 1796)²⁹. (Ил. 7, 13, 14.) Отметим, что во всех этих случаях барочные наличники занимают позицию, которую при совместном упо-

треблении с наличниками вида Б занимали наличники вида А; недаром одна из переходных форм – валиковое обрамление, завершенное полукруглой бровкой с плечиками, - возникла на основе именно этого последнего вида и именно в первом ярусе церкви (Вятское, 1750). (Ил. 8.) У храмов, сохранивших кокошники в завершении четверика, барочные наличники, как правило, применяются ко всем окнам (Старое Давыдовское, 1780; Дмитриевское, 1783; Некрасовское, 1786; Рыбницы, 1792; Князёво, 1792), и также применяются ленточные наличники раннего классицизма (Бухалово, 1796; Тимохино, 1797; Ордино, 1812), иногда с прямым сандриком и фронтоном (Середа, 1797; Климатино, 1800). Особый интерес представляют гетерогенные формы наличника, сложившиеся, очевидно, в результате сосуществования форм, принадлежащих разным стилистическим этапам: килевидный фронтон над плоским, с полукруглым фартуком (Герцено, 1780) или с ушами (Сеславино, 1788; Зверинец, 1805), обрамлением окна. (Ил. 15.) Сюда же относятся такие редкие формы, как двойные параболические фронтоны над ленточным наличником (Ломино, 1783) или готический стрельчатый фронтон с вставленной в тимпан балясиной над обрамлением Б (Деревни, 1798) в сочетании с венчающей аркатурой, употребительной в псевдоготике конца XVIII – начала XIX века. (Ил. 16.) (Стрельчатая форма в данном случае соединяет в себе черты треугольного и килевидного фронтонов, а балясина, частично разрывающая скаты, служит коннотацией нарышкинского стиля.) Легкая, почти «естественная» взаимозаменяемость традиционных и новых элементов декора про-

является и в тех случаях, когда целостный контекст барочных форм включает в аттиковом ярусе ряд арочных филенок с плечиками, явно уподобленных кокошникам (церкви Спаса Преображения в Некрасовском 1755 года и Троицы в селе Новом Некрасовского района 1777 года), — мотив, характерный для костромской архитектуры XVIII века³⁰.

К рассмотренным примерам бытования традиционных форм на протяжении XVIII века следует добавить небольшую группу храмов, в архитектурном решении которых возобновляется своеобразный минимализм ярославских бесстолпных церквей

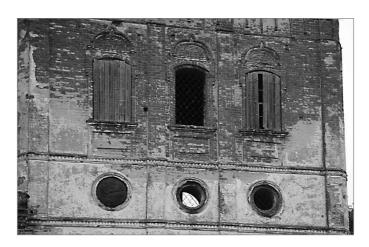

Ил. 14. Церковь Казанская в Осеневе. 1783

XVII столетия (Васильевское, 1745; Крестобогородское, 1760; Ростов, 1763; Слизнево, 1768; Тутаев, 1795). Знакомый уже нам лаконизм оформления фасадов нарушен здесь только высокой многорядной пилой с поребриком в завершении четверика (Слизнево, 1768) и карнизом с зубцами неполного антаблемента в основании гладкого аттикового яруса с таким же карнизом (Тутаев, 1795); в остальном оформление ограничивается угловыми лопатками и наружными откосами окон.

Суммируя теперь все приведенные данные и выстраивая их в хронологической последовательности, можно сделать следующие выводы.

Отметим, прежде всего, необычайную устойчивость декоративных форм XVII века – кокошников или ложных закомар в завершении храмов и оконных наличников вместе с сопутствующими профилями, которые функционировали в рассматриваемом регионе более столетия после того, как в «столичной» архитектуре они были сменены формами нарышкинского стиля. То, что время от времени, начиная с 1730-х годов (Леонтьевское, 1730), происходит отказ от кокошников при сохранении традиционного оформления окон, а затем и возвращение к минимализму ярославских бесстолпных храмов, только подтверждает эту устойчивость. Задним числом она свидетельствует об особой, ключевой роли указанных форм в храмовой архитектуре XVII века, тогда как другие характерные традиционные формы либо отмерли с наступлением новой эпохи, либо, как, например, сгруппированные полуколонны, использовались эпизодически. Активность формообразования, связанная в XVII веке с радикальным преобразованием всей структуры храма (московский бесстолпный храм) и с развитием его композиционной периферии (ярославские большие «холодные» храмы), сменилась выборочным саморазвитием декоративных форм в постоянных

Ил. 15. Церковь Троицы в селе Зверинец. 1799-1805

и повторяющихся структурных условиях «усредненного» бесстолпного храма, который стал распространенным архитектурным типом XVIII века. В этих условиях устойчивость кокошников и ложных закомар по сравнению с другими характерными формами объясняется тем, что они, наряду с венчающими главами и шатровой колокольней 31, оставались наиболее выразительными, привычными признаками православного храма; устойчивость наличников – тем, что их килевидные, в большинстве, фронтоны (т. е. те же кокошники), условно уподоблявшие каждое окно храму, позволяли увязывать фасадный декор в целостную систему, так же как в XVII веке они увязывали новые, заимствованные у европейского маньеризма формы с традиционной, хотя и преобразованной, венчающей частью xрамов³².

Ил. 16. Церковь Василия Великого в селе Деревни. 1798

Но устойчивость не означает заторможенности. Декорационная система, организованная основными устойчивыми формами, продолжала видоизменяться на протяжении всего XVIII века. Видоизменения заключались в волнообразном – то усиленном, то ослабленном – наращивании числа кокошников в аттиковом ярусе, достигшем кульминации в конце столетия (Годеново, 1794), в варьировании формы наличников по ярусам и в упорядочивании фасадной композиции – сначала междуярусным поясом, а затем, в последней четверти столетия, и вертикальным расчленением фасадов в соответствии с выровненными оконными осями. Определенную направленность видоизменениям придает последовательное проникновение в традиционный контекст декора «инородных» форм, оседающих здесь из «столичной» архитектуры, – оконных наличников нарышкинского стиля, затем, с 1780 года, барочных наличников вместе с фигурными филенками по венчающему фризу, ордерным расчленением фасадов и аттиком, обработанным квадрифолиями; с 1787 года (Кулачево, 1787) формы барокко начинают перемежаться с формами раннего классицизма и элементами псевдоготики. Обращает на себя внимание неравномерная динамика видоизменений, различающаяся по ярусам храмов. Случаи, когда «инородные» наличники при совместном употреблении с традиционными наличниками вида Б применяются, как и наличники вида А, к нижнему ярусу окон, а иногда только к окнам апсиды и трапезной, — эти случаи указывают на то, что исходный тип «усредненного» храма, соединивший в себе свойства бесстолпных и больших «холодных» храмов ярославской школы, унаследовал от последних иерархический композиционный принцип, который управляет формообразованием.

Наблюдаемая нами эволюция носит, однако, нелинейный характер. Отмеченное выше наращивание числа кокошников в аттиковом ярусе, характерное для храмовой архитектуры допетровской эпохи, учащается и достигает кульминации в то же время, когда происходит интенсивный наплыв «инородных» форм. (Следует подчеркнуть, что проникновение этих форм в традиционный контекст происходит уже после того, как они были применены в ярославской архитектуре, так сказать, в чистом, несмешанном виде.) Как раз накануне этого наплыва возникает наиболее полное воплощение образа храма XVII века: по-костромскому крупное высокое пятиглавие, кокошники 4/5, пучки угловых и расчленяющих полуколонн, нарядный неклассический антаблемент и оконные наличники вида Б с многолопастным килевидным фронтоном (Левашово, 1779)³³. (Ил. 10.) Полнота использованных здесь выразительных средств неожиданно прерывает саморазвитие декора «усредненного» храма, а сразу после достижения максимума в числе венчающих кокошников 8/8 в сочетании с пучками полуколонн и наличниками вида Б (Годеново, 1794) (ил. 9) происходит возвращение к каноническому соотношению 3/3, чуть позже – к традиционным закомарам (Климатино, 1800; Ордино, 1812) и к наличникам вида А (Новое, 1804). (Ил. 12.) Как видим, одна последовательность видоизменений накладывается на другую, обратную; граница, разделяющая сферы применения традиционных и новых форм, колеблется в ту и другую сторону, временами подвергаясь разрушению со стороны форм традиционных. Примером могут служить случаи, когда оконные наличники с многолопастным килевидным фронтоном, оказавшиеся в сетке ордерных барочных членений, совершенно в духе XVII века, врезаются своими вытянутыми килями в профиль венчающего и междуярусного антаблементов, демонстрируя сложную, инклюзивную целостность всей декорационной системы (Осенево, 1783; Лахость, 1796). (Ил. 7, 14.) В результате смешение и взаимодействие форм XVII века с формами поздних стилей не производит впечатления стилистического разнобоя. Очевидно, декор XVII столетия, гетерогенный по своей природе, и в новых условиях, при минимальном составе основных устойчивых форм, сохраняет способность к сращиванию с очередными заимствованиями - сращиванию тем более эффективному, что заимствования используются выборочно, в отрыве от их стилевого контекста.

Основная масса рассмотренных нами «усредненных» храмов XVIII века принадлежит сельским приходам и лишь изредка достигает уровня уездных и заштатных городов. Это в полном смысле провинциальная архитектура. Тем не менее среди заказчиков строительства встречаем представителей разных слоев населения тогдашней России. Это владельцы местных усадеб граф И.А. Мусин-Пушкин (Угодичи, 1709), князья Волконские (Заозерье, 1730), помещики Е. Апраксина (Ивановское, 1735), И.А. Асаров (Норское, 1745), И.И. Мещеринов (Карагочевский погост, 1747), В.С. Змиев (Михайловское, 1757), А.Ф. Угрюмов (Троицкое, 1764), Ф.И. Аристов (Введенское, 1778), Голенищев-Кутузов (Старое Давыдовское, 1780), Варенцов (Туношна, 1781), И.И. Родышевский (Вашка, 1786), купцы И.Д. Канатов (Норское, 1753) и И. Солнцев (Павлово, 1774), зажиточные крестьяне П.Т. Беловин (Пошехонье, 1717), К.М. Кусков (Рыбницы, 1792) и С.Н. Жерехов (Тимохино, 1797)³⁴. Трудно допустить, что все они, как и рядовые заказчики, в большинстве представители крестьянских общин, - при известной подвижности и предприимчивости местного населения, – никогда не покидали свои уезды и не были знакомы с современной «столичной» архитектурой. Так, например, строителям всех четырех храмов Норской слободы и села Норского под Ярославлем (Норское, 1745, 1748, 1753, 1765)³⁵ был, конечно, известен монументальный образец этой архитектуры – Петропавловская церковь, копия одноименного петербургского собора, возведенная в Закоторосльной части города, на территории полотняной фабрики купца И. Затрапезнова (1736–1742), а строители левашовского храма (Левашово, 1769) не могли не знать о возведенной совсем неподалеку, в Больших Солях (Некрасовском), Преображенской церкви в стиле барокко (1755). Предпочтение, проявленное ими к традиционным формам, устойчивость этих форм на территории Ярославской области нельзя, следовательно, приписывать косности и отсталости строителей. Речь должна идти о сознательном выборе, сделанном в условиях, когда жесткий государственный регламент диктовал повсеместную и всестороннюю европеизацию. В этих условиях традиционные сакральные формы храмовой архитектуры приобретали значение народного и национального архетипа, противопоставляемого внезапно убыстрившемуся ходу истории, который не мог не переживаться как враждебный. Не случайно первая волна умножения кокошников в завершении храмов следует за временем петровских реформ, а вторая, более мощная, начавшаяся в конце 1760-х годов и сопровождаемая наплывом «инородных» форм, совпадает с приливом в загородные усадьбы их владельцев, носителей столичного вкуса, освобожденных Манифестом 1762 года от обязательной службы, а также с новым этапом государственных преобразований (административной реформой, регулярной перепланировкой городов, распространением типового проектирования). Все это – очевидное проявление положительной обратной связи. Для людей, оказавшихся в ситуации разрыва с органической культурой и всем привычным укладом жизни, архетипы оставались единственным средством сохранить свою культурную идентичность, и не являются ли они, по выражению Мирча Элиаде, «чем-то большим, нежели простое сопротивление традиционной духовности по отношению к истории; не раскрывают ли они нам вторичный характер человеческой личности как таковой, – личности, чья творческая непосредственность и составляет в конечном счете подлинность и необратимость истории?» 36

Ш

Рассмотренные нами архитектурные памятники, явно ориентированные на допетровское зодчество, составляют примерно четвертую часть всего церковного приходского строительства в течение XVIII века на территории Ярославской области³⁷. В совокупности они принадлежат нижнему, «грунтовому» пласту общероссийского архитектурного процесса, верхний тонкий слой которого представлен произведениями столичного круга – шедеврами учено-артистического профессионализма ведущих архитекторов эпохи, создававшимися преимущественно в Петербурге и Москве и постепенно, в виде оригинальных сооружений или застройки, выполненной по «образцовым» проектам, распространявшимся в губернские города и дворянские усадьбы. (Уместно было бы назвать этот слой авторской архитектурой, в отличие от практикуемого в провинции прежнего имперсонального цехового принципа организации строительных работ, осуществляемых, в согласии с ретроспективными устремлениями заказчика, местными артелями, которые умело оперировали знакомыми, привычными архитектурными формами).

Пласт, о котором идет речь, имеет сложную и подвижную стратиграфию, в основе которой лежит слой традиционно ориентированной архитектуры, а вышележащие промежуточные слои по-разному преломляют, с одной стороны, этапы проникающих «столичных» стилей, с другой — интенсивность взаимодействующей с ними традиции. Эта стратиграфия и формирует особый для каждого региона характер русской провинциальной архитектуры XVIII века³⁸. Сознательный выбор национального архетипа в противовес нивелирующему европейскому регламенту уточнялся в регионах выбором собственной местной традиции, а местные условия (в основном удаленность от столиц и накопленный строительный опыт) определяли скорость, с какой происходила ассимиляция «столичной» архитектуры³⁹. Так, рассмотренный нами пример памятников Ярославской области типичен для всего обширного Замосковного края с его сформировавшимися в допетровское время

сильными архитектурными центрами, способными вступать в равносторонний культурный обмен между собой и с Москвой, вследствие чего взаимодействие местной архитектуры со «столичной» получило здесь в XVIII веке напряженный и затяжной характер. Иначе складывалась ситуация в южных областях, примыкающих к засечной черте, позднее освоивших опыт каменного строительства, – здесь, в близком соседстве с Украиной, верность традициям реализовывалась преимущественно в формах нарышкинского стиля. В центральных, западных и северо-западных областях, благодаря близости столиц, ощутимости европейского влияния, сосредоточению загородного дворцового и аристократического усадебного строительства, традиции вытеснялись быстро и более или менее безболезненно. На огромном же пространстве Сибири, наоборот, архитектура на протяжении целого столетия развивалась совершенно независимо от официальных профессионально-стилевых влияний, из одних только основ, выработанных к началу XVIII века в урало-тюменском и иркутском зодчестве с участием устюжских, тотемских и вятских образцов и в свою очередь разветвившихся в творчестве ряда местных школ⁴⁰.

Параллельное существование глубинного «низового» слоя архитектуры с его многообразием используемых традиций и слоя «высоких» европейских стилей наглядно выявляет ту специфическую антиномичность русской культуры XVIII века, о которой пишет Ю.М. Лотман⁴¹, и вытекающие из этой антиномичности ценностные характеристики: «Именно с их помощью культурное двуязычие приобретало характер единства, позволяющий видеть в культуре XVIII в. не механическую сумму контрастов, а органическое целое, и культурный полиглотизм эпохи складывался не как сумма, а как иерархия языков»⁴². «Низовой» слой, как мы видели, подвергался воздействию «высоких» стилей в виде просачивающихся через промежуточные слои – тоже посредством сознательного выбора – отдельных видоизменяемых форм «столичной» архитектуры, но и сам, со своей стороны, оказывал давление «наверх», незаметно внедряясь, если можно так выразиться, в творческое подсознание ведущих архитекторов эпохи. Отсюда – национальное своеобразие русского барокко⁴³, отсюда же – допетровские и «нарышкинские» реминисценции в русской псевдоготике второй половины XVIII века⁴⁴. Подспудно пережив время «интернационального» классицизма, развитие традиционных форм вплотную сомкнулось с периодом поисков национальных основ русской архитектуры после 1812 года, с «набирающим в 1830–1850-х гг. силу храмовым строительством, возрождающим древнерусскую традицию»⁴⁵, и в конце концов возродилось в русском стиле последней трети XIX века. Таким образом, слой традиционного творчества обеспечивал единство и непрерывность архитектурного процесса, на поверхности которого официально признанные «высокие» стили сменяли друг друга с дискретной прогрессирующей последовательностью. «Отсталые», архаизирующие формы, оказывается, несли в себе непредсказуемые творческие потенции, предвосхищая, а точнее, уже в XVIII веке воплощая «архитектуру выбора», принципы историзма и эклектики, полностью развившиеся в XIX столетии. «Соотношение потенциально присутствующих в каждой культуре образов ее прошлого и будущего и степень воздействия их друг на друга составляют существенную типологическую характеристику, которую следует учитывать при сопоставлении различных культур»⁴⁶. На примере XVIII века можно видеть, какое значение для пони-

мания архитектурного процесса в целом имеют его глубинные слои, составляющие основную массу отечественного культурного наследия. Эти слои – так называемый «сниженный культурный фонд» (gesunkenes Kulturgut) – лишь отдельными произведениями или группами произведений, по частным вопросам, привлекают внимание исследователей, получая отражение, главным образом, в краеведческой литературе, и остаются за пределами академической истории архитектуры Нового времени (т. е. начиная с XVII века), разве что мельком затрагиваются в градостроительных штудиях. История архитектуры пишется как история шедевров, классифицированных, оцененных, обросших множеством толкований, привычно утвержденных в сознании... Образно выражаясь, история архитектуры описывает надводную часть айсберга, не давая никакого представления об айсберге в целом. (Включение глав, посвященных провинциальной архитектуре, не решает задачи, поскольку сохраняется сам принцип автономности «высоких» стилей.) В результате искусственно абстрагированный от процесса плоский слой «авторской архитектуры» являет упрощенную картину линейного, всецело детерминированного, очищенного от случайностей поступательного развития, картину, в которой отсутствуют пустоты, скрытые возможности, альтернативные варианты; смена стилей, равно как и возникновение шедевров, происходит в предустановленные сро-ки, с неизбежной, хотя и необъяснимой⁴⁷ последовательностью, — так, словно иначе и быть не могло. Между тем «современный взгляд, - по словам М.Ю. Лотмана, – рисует более сложную картину: каждая эпоха представляет собой пучок различных, как правило, контрастных или даже несовместимых, культурных тенденций. Какая-либо из них, завоевывая предпочтение в наиболее динамических сферах культуры, объявляет себя единственно существующей. Другие тенденции в переводе на ее язык именуются плодами невежества, некультурности или просто объявляются несуществующими. Эта освященная авторитетом культуры данной эпохи точка зрения, как правило, подсказывает выводы исторической науке и этим увековечивает себя в глазах потомства» 48.

В противоположность этому современный – системный, экоцентрический – подход предполагает, если воспользоваться метафорой Ортегии-Гассета, замену «ближнего» видения «дальним» – радикальное изме-

нение научной оптики. Привычное ближнее видение, воспринимающее только шедевры (известные или вновь выявленные) на неопределенном и бесформенном фоне, сменяется — должно смениться — aбсолютным единством зрительного $nons^{49}$. Переключение внимания на «фон», т. е. на массовый и разнообразный материал глубинных слоев архитектуры, возвращает архитектурному процессу его реальный многослойный объем, его единство и непрерывность, взаимосвязи разнонаправленных тенденций (паттерны), существенную проблематичность каждого его момента как возникающего веера возможностей и, значит, позволяет разглядеть индивидуальность, историческое своеобразие каждого отдельного объекта в составе этого «фона», который, как становится очевидно, весь состоит из таких вот неповторимых объектов. Становится очевидно также, что архитектурный процесс проходит не мимо них, а *через них*, так или иначе – но каждый раз *иначе* – воплощаясь в самой минимальной художественной структуре. «Историк, – говорит Гидион, – должен придерживаться одинакового отношения к любому предмету своего исследования. Он должен добиваться установления истины о жизни эпохи. Он должен ее извлекать отовсюду, где она содержится. Недостаточно изучать только самые крупные достижения в области искусства. Часто, изучая незначительные проявления жизни, он может больше узнать о тех силах, которые формировали эту жизнь» 50 . Под отрывочной историей известных шедевров проступает та почва, из которой они вырастают и без которой не могут быть по-настоящему поняты 51 , так же как невозможно понять поэтический язык в отрыве от языка как такового. Присутствие прошлого в настоящем становится действительно актуальным, изживая вкусовой произвол, который в конечном счете ведет к утрате исчезающего на глазах отечественного культурного наследия.

Новое представление о *целостном* архитектурном процессе реализуется в многолетней работе по созданию Свода памятников архитектуры и монументального искусства России. В ходе этой работы сложился уникальный научный коллектив специалистов, постоянно имеющих дело с новыми и новыми *неизвестными* памятниками, была выработана методика их фиксации и оценки, универсальная дисциплина описания, выверенная и узаконенная терминология; вводные статьи к томам Свода являются, по сути, заготовками будущей Истории русской архитектуры, отвечающей упомянутому новому представлению. В свете этого представления, способного уловить искру творческого духа там, где дилетантский взыскательный вкус не находит ничего примечательного, каждое отдельное произведение — шедевр или рядовой памятник, — с необходимостью закрепленное на «вещи», материализованное и *лишь в силу этого* отдельное, является малым фрагментом бесконечно большого Произведения, вечно становящегося, вечно незавершенного, — проблематичным и непредсказуемым фрагментом, в большей или меньшей степени отражающим все свойства этой *открытой целостностии*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробный библиографический обзор по этому вопросу, в частности, применительно к ростовскому региону, см: Алитова Р.Ф. Ростовская церковная архитектура XVIII века. М., 2010. С. 9–23.
- 2 Головщиков К.Д. Ярославская губерния. Историко-этнографический очерк. Ярославль, 1888. С. 58–59, 62.
- 3 Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX веках, их открытие, состав и пределы. Казань, 1897. Т. 1. С. 108–113; Казань, 1913. Т. 2. С. 91–92.
- 4 «Коейждо епархии грады с уезды по писцовым книгам владети коемуждо архиерею, монастыри и церкви управляти и вновь церкви велеть строити по прошению мирских людей, благословения подавать правильно в своих епархиях по уездам...» Цит. по: Покровский И.М. Указ. соч. Т. 1. С. 296.
- 5 Например, церкви села Вятского, которое уже в 1775 г. состояло в Корзином стане Ярославского уезда (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 602-1. Д. В-51 кр.).
- 6 Покровский И.М. Указ. соч. Т. 2. С. 562.
- 7 Там же. С. 609–612.
- 8 Впрочем, Переславль-Залесский еще в 1692 г. был причислен к Ярославскому воеводству (Головщиков К.Д. Указ. соч. С. 58).
- 9 Например, у Никольской церкви в селе Бор Некрасовского района в 1820 г. (ГАЯО. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 461. Л. 11 об.) или у церкви Петра и Павла села Петропавловского на Келноти Даниловского района в 1906 г. (ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2084. Л. 1, 5–6, 8–9).
- 10 О формировании структуры московского бесстолпного храма и ее основных признаках см.: Попадюк С.С. Генезис и эволюция московских бесстолпных храмов XVII века // Архитектурное наследие и реставрация: Реставрация памятников истории и культуры России. М., 1984. С. 100–122; Его же. Теория неклассических архитектурных форм. Русский архитектурный декор XVII века. М., 1998. С. 18–35.
- 11 Попадюк С.С. Теория... С. 27, 60.
- 12 Судя по старой фотографии, можно предположить, что несохранившийся первый бесстолпный храм Ярославля церковь Никиты Мученика (1641) возводился по образцу незадолго перед тем выстроенного московского Казанского собора (1636), но последний, в отличие от одновременно строившейся церкви Троицы в Никитниках (1630–1634), еще не получил всех характерных признаков московского бесстолпного храма, а дальнейшее развитие данного архитектурного типа на ярославской почве пошло по другому пути.
- 13 Попадюк С.С. Архитектурные формы «холодных» храмов «ярославской школы» // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки. М., 1983. С. 77–78; Его же. Теория... С. 88.
- 14 О взаимосвязи композиционного и декорационного развития в творчестве ярославской школы см.: Попадюк С.С. Теория... С. 124.
- 15 О классификации и эволюции оконных наличников ярославской школы см.: Попадюк С.С. Наличники «ярославской школы» // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Материалы и исследования. М., 1980. С. 64–87; Его же. Теория... С. 98–116.

- 16 Первоначальность этой ложной конструкции подтверждается единовременной росписью пилонов и стен, в том числе восточной, с изображением иконостаса (как в «кремлевских» храмах Ростова и ярославской Никитской церкви), - росписью, ненамного, судя по стилю, отстающей от времени постройки церкви. Строго говоря, в интерьере заболотской церкви, особенно учитывая «широтное» построение четверика, воспроизведен не четырехстолпный, а двустолпный храм – тип, не получивший на ярославской почве такого распространения, как в соседнем костромском регионе; но, поскольку оба архитектурных типа представляют собой простое разветвление единой, восходящей к XV в. линии развития замосковного зодчества - смещение подкупольных опор к востоку вплоть до слияния восточной их пары с алтарной частью при одновременном продольном растягивании подкупольного квадрата, потребовавшем дополнительных подпружных арок (в XVII в. у четырехстолпных храмов восточная стена смещается еще дальше к востоку и возводится прямо на алтарных сводах, а у двустолпных световой барабан смещается в противоположном направлении и занимает место между оставшимися опорами), - это различие в данном случае можно не принимать во внимание.
- 17 Этому предшествовало строительство в 1660-х гг. ярославского Успенского собора (датировка по: Вдовиченко М.В. Архитектура больших соборов XVII в. М., 2009. С. 168–180) с его удвоенным, по образцу патриаршей церкви Двенадцати апостолов в Московском Кремле (1652–1656), аркатурно-колончатым поясом: повышение пояса к закомарам «мотивировано» применением основного, междуярусного, пояса. Первое же, насколько нам известно, применение венчающего аркатурно-колончатого пояса Успенская церковь Золотниковской пустыни (1651).
- 18 Суслов А.И., Чураков С.С. Ярославль. М., 1960. С. 94.
- 19 Попадюк С.С. Архитектурные формы... С. 79–80; Его же. Теория... 88–90.
- 20 Существующая датировка сарафоновской церкви 1600 г. (Титов А.А. Ярославский уезд с картой уезда. М., 1884. С. 143; [Рыбин К.] Краткие сведения о монастырях и церквах Ярославской епархии. Ярославль, 1908. С. 77–78; ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 4288. Л. 23 об.; Д. 9842. Л. 3 об.; Оп. 2. Д. 5236. Л. 85–77) относится, очевидно, к предшествующей деревянной постройке. Предлагаемая датировка по аналогам.
- 21 Кудрящов Е.В. Костромское каменное зодчество XVII века. Его особенности и пути развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 1975. С. 13.
- 22 Седов Вл.В. Введение // Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. М., 2004. Ч. 1. С. 74. Эта редкостная форма фронтона очень близка к утраченному наличнику из Рождественского монастыря во Владимире (воспроизведен в кн.: Грабарь И.Э. История русского искусства. Б. м., б. г. Т. 2. С. 165).
- 23 Об умножении кокошников как характерной особенности московских бесстолпных храмов см.: Попадюк С.С. Теория... С. 34–35.
- 24 Исключение представляет церковь Рождества Богоматери в Приимкове

- Ростовского района с ее пологими закомарами и суженным, в противоречии с ярославской традицией, средним пряслом. Можно предположить, что ее датировка 1786 годом (Алитова Р.Ф. Указ. соч. С. 88, 363) относится ко времени постройки колокольни и связанной с этим надстройки четверика, а сама церковь выстроена значительно раньше.
- 25 Обозначение оконных осей носит здесь, конечно, условный характер, поскольку строгость осевого построения далеко не всегда соблюдается, и, например, два окна в нижнем ярусе могут сочетаться с одним в верхнем, как на северном фасаде церкви в Лучинском (Лучинское, 1736), или двухосевая композиция окон дополняется входным проемом по центру, как у трех церквей в Норском (Норское, 1745, 1753, 1765).
- 26 Второй раз эта форма использована в обрамлении боковых входных проемов левашовской церкви (Левашово, 1779), уподобляя порталы оконным наличникам.
- 27 К этой группе близких по времени храмов ростовской округи принадлежат также церкви Георгия в Вексицах, 1789–1793 гг., и Дмитрия Солунского в Хлебницах, 1794–1800 гг. без аркатуры, но с круглыми окнами (световыми или ложными) в среднем полуярусе (Алитова Р.Ф. Указ. соч. С. 150–161). Такое решение междуярусного промежутка повторяется в круглых ложных окнах, но без сопровождающих горизонтальных профилей и обводов, Диево-Городищенской церкви (Диево Городище, 1787).
- 28 Предвестием пилястр в рассматриваемом круге памятников была рустовка лопаток (Пошехонье, 1717; Сырнево, 1767; Старое Давыдовское, 1780; Дмитриевское, 1783), позаимствованная, очевидно, из современной гражданской архитектуры, быстро усваивавшей черты трезиниевых 1714 г. и последующих «образцовых» проектов.
- 29 Из них только про церковь в Осенево известно, что она «расширялась» в 1820 г. ([Рыбин К.] Указ. соч. С. 90). В самом деле, оконные наличники ее трапезной по стилистике отличаются от чисто барочных наличников апсиды и от портала на южном фасаде, но, по-видимому, «расширение» касалось только западной части трапезной и вновь построенной колокольни.
- 30 Щёболева Е.Г. Церковная архитектура второй половины XVIII века // История русского искусства. Т. 13 (в печати).
- 31 Из 65 рассмотренных нами ярославских храмов XVIII начала XIX в. у 23 сохранились шатровые колокольни.
- 32 Попадюк С.С. Теория... С. 46.
- 33 Выпадающий из образа стиль прихотливых барочных филенок по венчающим барабанам объясняется тем, что существующее пятиглавие левашовской церкви, как установила Е.Г. Щёболева, относится к более позднему времени к 1810–1814 гг. См.: Щёболева Е.Г. Художественный центр Большие Соли в 1-й половине XIX в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XII–XX вв. М., 2010. Вып. 8. С. 369.
- 34 [Рыбин К.] Указ. соч. С. 58, 65, 94, 110, 140, 160, 241–242, 282–283, 325–326, 395, 399; Добронравов В.Г., Березин В.Д. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1898. Ч. 2. С. 96, 125;

- Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863. С. 47. При традиционной организации строительного дела выбор форм фасадного декора принадлежал именно заказчику, тогда как конструкция и вся техническая сторона постройки лежала на ответственности подрядчика (Воронин Н.Н. Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII веков. М.–Л., 1934. С. 78), но, пожалуй, И.Л. Бусева-Давыдова слишком категорично разделяет этих участников единого процесса: «...Общее, родовое начало воплощалось мастером, а индивидуальное оставалось на долю заказчика» (Бусева-Давыдова И.Л. О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII в. // Архитектурное наследство. М., 1988. Вып. 36. С. 48). Важнее общее намерение в основе контракта.
- 35 Любопытно, что в строительстве Успенской церкви (Норское, 1753) принимал участие губернский архитектор И.Ф. Яровицкий (Рутман Т.А. Храмы и святыни Ярославля. История и современность. Ярославль. 2008. С. 299).
- 36 Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 63.
- 37 Точная статистика затруднена многочисленными сносами, перестройками и искажением первоначального облика церквей.
- 38 Именно «слоистость» провинциальной архитектуры не позволяет согласиться с резким противопоставлением столицы и провинции, которое находим, например, в книге А.В. Лебедева (Лебедев А.В. Тщанием и усердием. Примитив в России XVIII середины XIX века. М., 1998. С. 65–66): верхний слой этой архитектуры ничем не отличался от рядовой застройки столиц (ср.: Кириченко Е.И., Щёболева Е.Г. Русская провинция. М., 1997. С. 9).
- 39 Щёболева Е.Г. Церковная архитектура...
- 40 Проскурякова Т.С. Особенности сибирского барокко // Архитектурное наследство. № 27. 1979. С. 147–160; Ее же. Черты своеобразия архитектуры Сибири XVIII в. // Архитектурное наследство. № 40. 1996. С. 70–74; Попадюк С.С. Неизвестная провинция. Историко-архитектурные исследования. М., 2004. С. 76, 106–111, 155–156, 170; Масиель Санчес Л.К. Каменные храмы Сибири XVIII в.: эволюция форм и региональные особенности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2004.
- 41 Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 74–77.
- 42 Там же. С. 84–85.
- 43 Кириченко Е.И. Русский стиль. Поиски национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII начала XX века. М., 1997. С. 27–37.
- 44 О глубокой смысловой связи псевдоготического стиля с допетровской и нарышкинской архитектурой см.: Котов Г.И. О развитии русской архитектуры в XVIII веке // Труды II съезда русских зодчих в Москве под ред. И.П. Машкова. М., 1899. С. 126; Бондаренко И.Е. Архитектор Казаков. М., 1912. С. 15; Згура В.В. Проблемы и памятники, связанные с В.И. Баженовым. М., 1928. С. 85–86; Романов Н. Западные учителя Баженова // Академия архитектуры. 1937. № 2. С. 21; Борис А.Г. Романтическая тема в архитектуре Москвы конца XVIII начала XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой

степени кандидата архитектуры. М., 1988. С. 7, 11; Кириченко Е.И. Указ. соч. С. 42, 58–59. Об актуальности поисков национальных основ русской культуры в конце XVIII в. и о псевдоготике как «створке мировоззренческого диптиха культуры Просвещения» см.: Хачатуров С.В. «Готический вкус» в русской художественной культуре XVIII века. М., 1999. С. 148; Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 115.

- 45 Кириченко Е.И. Указ. соч. С. 117.
- 46 Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 116.
- 47 Попытки объяснить выдающиеся произведения историческими условиями (уровнем техники, социальной жизнью, политической конъюнктурой и т. д.), а значит, и свести их к этим условиям, не затрагивают главного непредсказуемости и укорененности, которые становятся очевидны лишь в соотнесенности таких произведений с окружающим фоном. Ср.: «Ничто единственное в своем роде, ничто редкое, никакая возвышенная простота, короче говоря, ничто великое в историческом свершении никогда не разумеется само собою и потому всегда остается необъясненным» (Хайдеггер М. Время картины мира // Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 141–142).
- 48 Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 365.
- 49 Ортега-и-Гассет Хосе. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 188–189. Ср.: Капра Фритьоф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М., 2003. С. 25.
- 50 Гидион З. Пространство, время, архитектура. М., 1975. С. 47. Ср.: «Нет ни одного произведения, даже самого несовершенного, которое не стремилось бы к совершенному воплощению идей, витавших перед его создателем; произведение, которое с самого начала отказалось бы от стремления к этому, не было бы уже произведением» (Зедльмайр Ганс. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. СПб., 2000. С. 125–126).
- 51 Ср.: «Попытки применить к реальному материалу такие понятия, как "классицизм" или "барокко", не могут дать плодотворных результатов, пока в основе их лежат теоретические представления столетней и более давности, лишь подновленные наслоениями сменявших с тех пор друг друга научных школ» (Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 368).

Приложение. Список храмов Ярославской области XVIII века, ориентированных на допетровскую традицию

Населенный пункт	Район	Церковь	Дата
Белое	Пошехонский	Воскресения	1771
Бор (Борголышкино)	Некрасовский	Николая Чудотворца	1725
Бухалово	Даниловский	Успения	1796
Вашка	Переславский	Николая Чудотворца	1776–1786
Введенское	Некрасовский	Введения	1778
Высоко	Ярославский	Рождества Христова	1772
Вятское	Некрасовский	Воскресения	1750
Гавшинка	Ярославский	Спаса Нерукотворного	1773
Герцено	Большесельский	Казанская	1780
Годеново	Ростовский	Иоанна Златоуста	1794
Деревни	Ростовский	Василия Великого	1798
Диево Городище	Некрасовский	Троицы	1787
Дмитриевское	Пошехонский	Жен Мироносиц	1776–1783
Заозерье	Угличский	Казанская	1730
Зверинец	Ростовский	Троицы	1799–1805
Ивановское	Рыбинский	Казанская	1735, 1807–1808
Иваньково	Ярославль	Спаса Нерукотворного	1749
Карагочевский погост	Ростовский	Рождества Богоматери	1747
Караш	Ростовский	Благовещения	1780–1786
Климатино	Угличский	Успения	1800
Князево	Пошехонский	Воздвижения	1792
Крестобогородское	Ярославль	Ризоположения	1760
Кулачево	Ростовский	Успения	1782–1787
Лахость	Г-Ямский	Воскресения	1796
Левашово	Некрасовский	Воскресения	1779
Леонтьевское	Большесельский	Леонтия Ростовского	1730
Ломино	Тутаевский	Рождества Христова	1783

Лучинское	Ярославский	Иоакима и Анны	1736
Любим		Казанская («теплая» Троицкого прихода)	1739
Михайловское	Любимский	Михаила Архангела	1757
Некрасовское		Покрова (Иоанна Предтечи)	1786
Никитское	Г-Ямский	Николая Чудотворца	1789
Николо-Пенье	Г-Ямский	Ильи Пророка	1782
Новое	Даниловский	Преображения	1804
Норское	Ярославль	Николая Чудотворца	1745
Норское	Ярославль	Михаила Архангела	1748
Норское	Ярославль	Параскевы Пятницы	1753
Норское	Ярославль	Благовещения	1765
Ордино	Угличский	Троицы	1812
Осенево	Г-Ямский	Казанская	1783
Павлово	Борисоглебский	Тихвинская	1774
Пошехонье		Троицы	1717
Пружинино	Г-Ямский	Троицы	1804
Ростов		Толгская	1763
Рыбницы	Некрасовский	Спаса Всемилостивого	1789–1792
Сеславино	Ярославский	Казанская	1780
Сеславино	Ярославский	Рождества Христова	1788
Середа	Даниловский	Смоленская	1797
Слизнево	Тутаевский	Рождества Богоматери	1768
Спас Ухра	Рыбинский	Преображения	1763
Ставотино	Г-Ямский	Рождества Христова	1728
Старое Давыдовское	Пошехонский	Казанская	1780
Сырнево	Пошехонский	Рождества Христова	1767
Талицы	Ростовский	Казанская	1806
Тимохино	Некрасовский	Тихвинская	1797
Толбухино	Ярославский	Троицы	1732
Троицкое	Переславский	Троицы	1764

Туношна	Ярославский	Рождества Богоматери	1781
Тутаев		Казанская (Преображения)	1758
Тутаев		Вознесения (Леонтия Ростовского)	1795
Угодичи	Ростовский	Николая Чудотворца	1707–1709
Унимерь	Г-Ямский	Троицы	1789
Устье	Ярославский	Смоленская	1771
Ярославль		Козьмы и Дамиана («теплая» Крестовоздвиженского прихода)	1722